

Анатолий Передреев

Анатолий Передреев (1934—1988) — поэт истинный. У настоящей поэзии нет для нас тайн, она щедра ко всем людям, независимо от их происхождения или образования.

Была бы только душа наша жива и отзывчива... Простоту, ясность и доступность настоящей поэзии можно сравнить с простотой, ясностью и доступностью воздуха: и тут и там не замечаемая нами необходимость. Да, поэзия, благотворно и мощно воздействуя на душу, не желает обнаруживать своего присутствия. Она жизненно необходима нашей душе, но не навязывает ей себя и не фамильярничает с нею. (Не зря воздух одного корня с такими словами, как дух и душа. Глагол «вздохнуть» обозначает одновременно физическое и душевное движение).

В странном загадочном сочетании благотворного влияния и нежелания быть загадочной, может быть, и заключается главная тайна поэзии. Постичь эту тайну пытаются литературные критики всех времен. Но там, где начинается нездоровое любопытство, поэзия со стыдом, а может и с гневом, исчезает. Она не допускает срывания с себя небесных покровов. И мы напрасно путаем настоящую поэзию с той, которая разрешает себя обнажать...

Все это я говорю лишь относительно наших читательских отношений с поэзией. Но ведь тайна ее рождения, ее появления, связанная с жизнью поэтов и их поэтическим вдохновением, еще глубже, еще страшней и прекрасней.

На этом месте надо опять повториться: говорю о настоящей поэзии, а не о синтетической. Синтетическая поэзия существовала уже и около Пушкина и Тютчева. А нынче: сразу ли видна разница, например, между натуральным мехом и синтетическим, между огурцом, выращенным на грядке, и гидропонным? Между горным хрусталем и обычным стеклом? Нет, не видна она сразу — эта разница, особенно при искусственном, а не при солнечном освещении. И вот многие наши издатели и литературные критики уподобляются проворным торговцам, обманным образом сбывающим ненатуральный товар. По недомыслию, а иногда и намеренно (т. е. приглушая свою совесть) они ставят совершенно бездарных и совершенно талантливых поэтов в один логический ряд. Такие улыбки раскрываются тотчас, но от того не легче. Талант поэти-

ческий не совпадает с искусством безбедно жить. Николаю Рубцову и Анатолию Передрееву надо было не просто жить, надо было суметь выжить. Они были рыцарями настоящей поэзии, и соседство с рыцарями инвалютных касс их не устраивало. Такое соседство и постоянное безденежье для обоих было глубоко оскорбительным, но они остались верны настоящей поэзии. И они погибли...

Успели ли они исполнить предназначение? Я думаю, что успели, хотя книги, при жизни изданные, у обоих вмещались в одном пиджачном кармане.

Впрочем, кто знает? Анатолий Передреев уже совсем близко стоял к тютчевскому восприятию окружающего нас мира:

*Когда с плотины падает река,
Когда река свергается с плотины,
И снова обретает берега.
И обнажает медленно глубины,—
Она стремится каждую волной
Туда, где синь господствует неслышно,
Где ивы наклонились над водой
И облака застыли неподвижно...
Она прошла чистилище труда,
И — вся еще дрожа от напряженья —
Готовится пустынная вода
К таинственному акту отраженья.*

Двенадцать передреевских строк, всего двенадцать, говорят мне больше, чем целый двухтомник стихотворного публициста, про которого один болгарин сказал: «Он всегда на баррикадах, то с той стороны, то с этой».

Баррикады, однако ж, нужны больше для самоутверждения, чем для самовыражения. Для настоящих поэтов, как мне представляется, баррикады вообще не нужны.

Скорбь, вызванная безвременной смертью подлинного поэта, от времени не стихает. Тепло живого общения ничем не заменишь. Но мы читаем его стихи, и тогда вступает в свои права живая память.

Одна фальшивая, синтетическая да в придачу еще и денежная, поэзия беспамятна и безблагодатна...

Василий БЕЛОВ

НУЖНА

ЗЕМЛЯ И

РОДИНА НУЖНА»

ВОСПОМИНАНИЕ О СЕЛЕ

Села давнишний житель...
С. Есенин

Кричит петух
Рассветный и охрипший...
Чуть шевелит солому ветерок...
Кричит петух
И бьет крылом по крыше —
Роняет утро
Белое перо.

Кричит петух...
И вот из дальней дали
Пахнет дымком
И сеном тишина
И всем,
О чем воспоминанья стали
Как сон неясный,
Как обрывок сна.

Сейчас туда
Ползет туман из балки...
Белеет пруд
И лысая гора...
Там никого,
Ни деда и ни бабки
Нет у меня,
Ни отчего двора...

Забыв о том,
Как сеяли и жали,
Давным-давно
Мои отец и мать
Из деревеньки этой
Убежали,
Едва-едва успели убежать.

Тогда в деревне
Начиналась смута,
И с правдой
Перемешивалась ложь,
Кому-то захотелось
Слишком круто
Судьбу крестьян
Перемолоть, как рожь...

И по всему
Голодному Поволжью
Смерть
От села ходила
До села,
И люди гибли,

Падали под вошью,
И дальше
Вошь тифозная
Ползла...

Какие бури
В мире просвистели,
Каким железом
Век мой прокричал!..
И вот в душе
Чуть слышно,
Еле-еле
Запел родник —
Начало всех начал.

И вот над краем
Дорогим и милым
Кричит петух...
Ах, петя-петушок,
Как вскинуть он старается
Над миром
Свой золотой,
Свой бедный гребешок!

Кого зовет он так
По белу свету,
Как будто знает —
Песнь его слышна,
И понимает —
Русскому поэту
Нужна земля
И Родина нужна.

ОТЧИЙ ДОМ

В этом доме
Думают,
Гадают
Обо мне
Мои отец и мать...
В этом доме
Ждет меня годами
Прибранная, чистая кровать.

В черных рамках —
Братьев старших лица
На белых
Глиняных стенах...
Не скрипят,
Не гнутся половицы,
Навсегда
Забыв об их шагах...

Стар отец,
И мать совсем седая...
Глохнут дни
Под низким потолком...
Год за годом
Тихо оседает
Под дождями
Мой саманный дом.

Под весенним —
Проливным и частым,
Под осенним —
Медленным дождем...
Почему же
Все-таки я счастлив
Всякий раз,
Как думаю о нем?!

Что еще
Не все иссякли силы,
Не погасли
Два его окна,
И встает
Дымок над крышей
Синий,
И живет над крышею
Луна!

1960

МОСКОВСКИЕ СТРОФЫ

В этом городе старом и новом
Не найти ни начал, ни конца...
Нелегко поразить его словом,
Удивить выраженьем лица.

В этом городе новом и старом,
Озабоченном общей судьбой,
Нелегко потеряться задаром,
Нелегко оставаться собой!

И в потоке его многоликом,
В равномерном вращенье колес,
В равнодушно движенье великом
Нелегко удержаться от слез!

Но летит надо мной колокольня,
Но поет пролетающий мост...
Я не вынесу чистого поля,
Одиноко мерцающих звезд!

1964

БАНЯ БЕЛОВА

1.

В недружелюбном совсем состоянии своем
Я ехал к Белову в родительский дом.

Он сам торопился, Василий Белов,
Под свой деревенский единственный кров.

И гнал свой «уазик» с ухваткой крестьянской
Сначала — по гладкой, а дальше — по тряской.

Везли мы с собой не гостинцы, а хлеб...
И ехали с нами Володя и Глеб.

Володя, в свой край нарастающую влюбленный,
И Глеб присмиривший, с душой затаенной...

В начале пути нам попалась столовка,
Где жалко себя и за друга неловко.

Каких-то печальных откушали щей
И двинулись дальше дорогой своей...

И вот предо мною зеленый простор
Величье свое бесконечно простер.

Стояли леса, как недвижимые рати,
В закатном застывшие северном злате.

Сияли поля далеко и прозрачно...
Но было душе уютно и мрачно.

Бескрайние эти великие дали
Мне душу безмолвьем своим угнетали.

Я видел, как дол расстился за долом,
Какой-то сплошной тишиной заколдован.

И реки пустынные — Кубена... Сить...
Здесь некому вроде и рыбу ловить.

Среди их привольно катящихся волн
Хоть чья бы лодочка, хоть чей-нибудь челн!..

Густела в полях вечеряющих мгла.
И странные нам попадались дома.

Они величаво из мглы возникали,
Как будто их ставили здесь великаны.

Наверное, ставили их на века —
Такая во всем ощущалась рука.

Такое надежное крепичье бревен...
Но облик их был и печален, и темен.

Ни света из окон, ни дыма из труб,
Безмолвен был каждый покинутый сруб.

И мрачно они средь полей возвышались.
Куда же хозяева их подевались?!

Но каждый об этом угрюмо молчит...
И молча мы едем в глубокой ночи...

Но вот наконец нас хозяин привез
В деревню свою под сиянием звезд.

2.

По-черному топится баня Белова,
Но пахнет березово, дышит сосново.

На вид она, может быть, и неказиста,
Зато в ней светло, и уютно, и чисто.

Когда в ее недрах всколышется жар,
Она обретает целительный дар.

Она забирает и тело, и душу,

Все недуги их извлекает наружу.

Любую усталость, любой твой кошмар
Вбирает в себя обжигающий пар.

И, весь разомлев, ты паришь невесомо,
Забыв, что творится и в мире, и дома...

И с пышущей полки встаешь, обнажен,
Как будто бы заново в мире рожден.

Как будто бы весь начинаешься снова...
По-черному топится баня Белова.

3.

И светлая взору предстала деревня,
Живая деревня в краю этом древнем.

Из сказки забытой, казалось, возник
Ее отуманенный временем лик.

Темнели на избах высоких узоры,
И окна синели, как жителей взоры.

Распахнутый миру — входи на порог! —
Под небом пустынным жилой островок.

Казалось, один он остался на свете
Затем лишь, чтоб путника в мире приветить.

Хоть много чего сохранить не смогла,
Но душу деревня еще сберегла.

Наверно, веки она не иссякнет,
Раз вынесла столько погибели всякой.

Наверно, веки она не исчезнет,
Раз столько еще и добра в ней, и чести.

Раз детская чья-то головка одна
С таким любопытством глядит из окна.

Раз может еще так глазами сиять
Анфиса Ивановна, Васина мать...

И сразу просторы исполнились смысла,
И небо иначе над ними нависло.

И дали, что с новой встречаются далью,
Уже не дышали такою печалью.

Все сделалось радостней, стало прочней —
Земля при деревне и небо при ней!

И мир не казался уже сиротой
Со всей необъятной своей широтой.

К деревне ведет и тропа, и дорога.
Еще как богата земля, и так много

И сил, и красы у земли этой древней...
Доколе лежать ей, как спящей царевне.

Доколе копить ей в полях своих грусть,
Пора собирать деревенскую Русь!

Пора возродить ее силу на свете —
Так пели и травы, и листья, и ветер.

Так думали поле, и речка, и лес.
И даль, что смыкается с далью небес.

Так думал, наверно, Василий Белов,
Что вел нас по отчему краю без слов.

Пора! — это Времени слышно веленье —
Увидеть деревне свое возрождение.

А все, что в душе и в судьбе наболело, —
Привычное дело, привычное дело...

1985

КНИГИ АНАТОЛИЯ ПЕРЕДРЕВА:

«Судьба». М., 1964; «Возвращение». М., 1972; «Дорога в Шемаху». Баку, 1979; «Равнина». М., 1981; «Стихотворения». М., 1986. В 1988 году в издательстве «Советская Россия» вышел первый посмертный сборник поэта «Любовь на окраине». В конце 1989 года в из-

дательстве «Современник» выходит книга «Лебедь у дороги», в которую вошли лучшие и ранее неопубликованные стихотворения, избранные переводы и критические эссе «Читая русских поэтов».